

это связано с тем, что кувейтским гражданством – своего рода привилегий – обладает лишь 45% населения страны: «В подобных условиях водораздел, проходящий между кувейтцами и иностранцами, рассматривается как единственное легитимное членение социального тела». В силу данных причин политизированный шиизм в этой стране не играет заметной роли.

Опыт Кувейта и Ливана очень важен для иракских шиитов, поскольку в Ираке – не в последнюю очередь из-за политики коалиционных сил, делавших ставку на одних в противовес другим, – далеко зашел процесс раскола на противоборствующие группировки, в том числе и шиитские, ведущие борьбу за власть часто насильственными методами: «...на данный момент положение выглядит так, будто шиизм является центральным элементом социальной и политической жизни Ирака, не играя, однако, роли объединяющего фактора для сообщества, которое только предполагается создать». Центральным властям – как и в Ливане – следовало бы сделать решительные шаги, чтобы превратить шиитов в одну из общин, ведущих борьбу за власть на парламентском поле. Такое превращение стало бы своего рода адаптацией к заданным правительством правилам игры; именно так были вынуждены реагировать ливанские шииты, вынужденные развиваться в рамках навязанной им общинной социальной системы.

*Реферат подготовил К. Демидов.
«Социальные и гуманитарные науки:
Востоковедение и африканистика»,
М., 2007 г., № 2, с. 122–126.*

Д. Абрамов СЕКУЛЯРИЗМ, ФУНДАМЕНТАЛИЗМ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ ИНДИИ

Понятия «секуляризм», «фундаментализм» и «толерантность» зачастую являются ключевыми к пониманию не только индийской, но и глобальной действительности. Интернет в Индии – наиболее динамичное, открытое и максимально непредвзятое информационное пространство, где обсуждаются эти идеи и стоящая за ними реальность. Тем не менее исследователя здесь поджидает ряд сложностей. При попытке обозначить ту или иную проблему, прибегая к данной терминологии, немедленно обнаруживается, что

участники дискурса вкладывают в указанные понятия совершенно различный, иногда и прямо противоположный, антагонистический смысл, а оценки стоящих за ними явлений расходятся, порой – диаметрально. Подобная ситуация во многом определена теми особыми обстоятельствами, которые сложились в Индии после обретения национальной независимости. Напомню, что население этой страны представлено 500 народами и племенами, говорящими на 1652 языках и диалектах. Помимо индусской общины (82,6% населения) имеется ряд других: мусульмане (12,2%), христиане (2,34%), сикхи (1,94%), буддисты (1,1%), джайны (0,76%), иудеи (0,61%), парсы и т.д. Взаимодействие и напряженное противостояние различных идеологических концепций, всевозможных мнений и точек зрения относительно понятий «фундаментализм», «секуляризм», «толерантность», определяющих статус страны, положение ее многочисленных этнических общностей и религиозных общин не прекращалось в Индии с 1947 г. Положение секуляризма в стране двояко. С одной стороны, секуляризм как принцип государственной политики, утверждающий свободу и достоинство верующих и неверующих при условии формального равенства их личных прав, закреплен Конституцией Индии. С другой стороны, из-за размытости этого понятия для индийского менталитета оно трактуется здесь весьма широко. Парадоксально, но «истинным секуляризмом» оправдывают свою деятельность радикальные проиндусские националистические силы, выдвигающие идеи главенства своей религиозной общины и единой идеологии – хиндутвы.

Наиболее активными проводниками идеи хиндутвы (или «индуизации») являются в последнее время такие организации, как «Вишва хинду паришад» (ВХП, Всемирный совет индусов), объединение профсоюзов для рабочих-индусов – «Бхаратия маздур сангх» (БМС), молодежная организация «Акхил бхаратия видьяртхи паришад» (АБВП) и ее боевой отряд – «Баджранг дал» (БД, «Отряд сильных»), женская организация «Раштра севика самити» (РСС), «Бхаратия джаната партии» (БДП, Народная партия). Все они входят в так называемое «семейство», возглавляемое «культурной» организацией «Раштрия сваямсевак сангх» (РСС, Союз добровольных служителей нации). Она возникла еще в 1925 г., но и по сей день играет основополагающую роль в пропаганде идеи «единой индусской нации» и хиндутвы. За годы, прошедшие с момента своего возникновения, РСС до тонкости отработала технологию мобилизации огромных людских масс в борьбе за власть. При

этом она использует духовный потенциал индуизма, умело оставаясь в политической тени. Однако сам термин «секуляризм» плохо подходит для подобной идеологической утилизации. Глагол «*secularizer*» впервые был использован в 1646 г. французскими авторами и означал процесс перехода территорий, находившихся под контролем Церкви, в собственность государства. Слово призвано было обозначать лишь этот конкретный акт и никак не подразумевало передачу духовных или идеологических полномочий светским властям. Но весьма скоро в Европе секуляризм становится самоочевидным принципом решения всех общественно-политических задач, знаком устремленности социума к проблемам «этого мира», отныне без особой легитимации со стороны Церкви. Таким образом, в Европе это понятие возникло в Новое время в рамках формирования светского (нерелигиозного) миропонимания и современного политического мироустройства, регулирующего политические и религиозные институты в государстве. В Индии термин «секуляризм» наполнен совершенно иным содержанием. В Индии термин «секуляризм», получивший хождение, неразрывно связан с проблемой становления национального самосознания индийцев.

Специфика индийской ситуации состояла в том, что в отличие от секуляризирующейся Европы XVII в. национальное возрождение, начавшееся здесь в XIX в., носило очевидный религиозный характер. Особенно это проявилось на ранних этапах становления индуизма как национальной религии. Национализм и индуизм тесно переплелись. Наиболее емко выразил это Ауробиндо Гхош: «Национализм – религия, которая исходит от Бога. Если вы собираетесь принять эту религию национализма, вы должны сделать это в религиозном духе... Национализм возрождается в силе Бога и поэтому он бессмертен». Позднее религиозный пафос национально-освободительного движения был несколько снижен двумя наиболее видными политическими деятелями и «секулярными» представителями двух самых многочисленных общин Индии, индусом Джавахарлалом Неру и мусульманином Абул Калам Азадом. Немедленно после официального провозглашения независимости Индии секуляризм как принцип государственной политики был зафиксирован Джавахарлалом Неру: «Все мы, независимо от религии, в равной мере дети Индии, обладающие равными правами, привилегиями и обязанностями. Мы не можем поощрять религиозно-общинную рознь и предрассудки, ибо ни одна нация не может быть великой, если ее народ отличает узость взглядов и ограничен-

ность действий». С этого момента секуляризм становится одной из доктрин государственной идеологии, которую в первые годы независимости пыталась последовательно проводить правящая партия – Индийский национальный конгресс (ИНК). Идея единства в многообразии как базового принципа построения индийской нации стала доминирующей в идеологии ИНК. Она не разделялась всеми руководителями этой партии и не всегда проводилась вполне последовательно, но все же ИНК выступал от имени всех индийцев вне зависимости от их этнической и конфессиональной принадлежности.

Такое понимание секуляризма нашло отражение и в Конституции, принятой в 1950 г. В ней Индия определила себя как независимое федеративное демократическое светское государство. Так, ст. 14 гарантирует, что «ни один гражданин только по мотивам религиозной, расовой, кастовой принадлежности, пола, места рождения или по любому из этих мотивов не может быть в какой-либо мере лишен правоспособности». Ст. 28 устанавливает, что «никакое преподавание религий не должно иметь места в учебных заведениях, полностью содержащихся за счет государственных средств». Тем самым в Конституции закреплена одна из основных догм секуляризма – отделение религии от государственного образования. Особо следует отметить, что в Индии легитимизировано соблюдение религиозными общинами своих норм. Например, действует отдельный Семейный кодекс для мусульман, регламентирующий вопросы семьи и брака в соответствии с нормами шариата. Диаметрально иную трактовку секуляризма дают сторонники коммунизма. Своими корнями идеология коммунизма уходит в «теорию двух наций», созданную еще на первых этапах борьбы за независимость в конце XIX в. Эта теория быстро обрела широкую популярность внутри обеих общин, мусульманской и индусской. Интеллектуальная элита каждой из них пыталась переосмыслить доколониальную историю Индии и представить именно свою общину ядром единой воображаемой нации.

Способности секуляризма к выживанию в условиях современной Индии был даже посвящен форум на официальном сайте BBC News «Can Indian secularism survive?». Несомненно, что именно на Интернет-сайтах BBC сегодня происходит наиболее заинтересованное и открытое обсуждение проблем индийского социума. На этот раз поводом для такой дискуссии послужила очередная годовщина разрушения мечети Бабура в г. Айодхья, штат Уттар Пра-

деш, в декабре 1992 г. Согласно верованиям индусов, именно на месте этой мечети, воздвигнутой в середине XVI в., некогда родился царевич Рама, воплощение Вишну, легендарный герой «Рамаяны». Наиболее активными организаторами и пропагандистами этой беспрецедентной акции явились ВХП и БДП. Под предлогом борьбы за восстановление индусского храма, БДП, по сути, стремилась заработать политический капитал на противостоянии миру ислама. Успех акции был обеспечен поддержкой всего «семейства» РСС. Надо отметить, что до сего дня храма Рамы на месте разрушенной мечети так и не возникло. Но вскоре после разрушения мечети и во многом благодаря этой акции, проиндусские организации «семьи РСС» пришли к власти в ряде индийских штатов, а затем победили и на общегосударственных парламентских выборах, возглавив центральное правительство Индии. Участники вышеупомянутого, форума разделились на две группы. Противостояние их мнений настолько очевидно, что порой даже кажется: разговор идет о ситуации в двух довольно несхожих государствах. Вот типичное мнение представителей первой группы (все они – из Индии): «Индийцы живут в секулярном государстве и всегда готовы отстаивать свои интересы в этой сфере»; «индусы и мусульмане веками жили бок о бок», «большую часть межобщинных проблем можно решить элементарным соблюдением законности». При этом, однако, некоторые считают, что «философия индуизма на протяжении тысячелетий демонстрировала способность абсорбировать любые культурные типы». Вторая группа более многочисленна, и ее участники настроены менее оптимистично. Они всерьез обеспокоены широкой популярностью в Индии БДП и идеологии хиндутвы. По их мнению, само существование организаций «семейства РСС» ставит под вопрос будущее секуляризма в Индии. Одна из главных причин роста числа приверженцев хиндутвы видится в угрозе со стороны исламского фундаментализма и в непрекращающейся конфронтации с Пакистаном.

С суждением относительно негативного влияния хиндутвы на будущее секуляризма действительно трудно не согласиться. Ведь носители этой воинственной идеологии отнюдь не являются маргиналами в политической жизни современной Индии. Напротив, БДП относится к наиболее влиятельным политическим силам. До недавнего времени она находилась у власти в качестве партии парламентского большинства (1999–2004), а ее лидер Атала Бихари Ваджапайи занимал пост премьер-министра с 1998 по 2004 г.

Играет она очень заметную роль и в регионах. Странники секуляризма в самой Индии создали сайт «Сердце Индии» (www.geocities.com/indiafas), ориентированный в основном на зарубежную аудиторию. Его задача – разрушить традиционное западное представление об индуизме как о наиболее толерантной из мировых религий. Сайт призван дать объективную информацию о реальном положении дел в индийском обществе и в религиозно-общинной политике, способствовать укреплению секулярных и демократических тенденций, защите наиболее социально уязвимых групп населения. Как полагают авторы большинства материалов, хиндутва во многом уже стала главенствующей идеологией в современной Индии. Деятельность сторонников «шафранизации» (шафранный – цвет воинствующего индуизма) весьма разнообразна. Проиндусские организации последовательно добиваются разрушения мусульманских мечетей, их сторонники громят картинные галереи, в которых выставляются полотна с неканоническими образами индуистских божеств, убивают христианских миссионеров. Чиновников по всей стране призывают доказывать, что в их жилах течет кровь Рамы и Кришны. Под влиянием сторонников хиндутвы идет процесс переписывания учебников истории, где ее светская трактовка уступает место триумфальному шествию индуизма; во многих школах молодых индусов с детства приучают считать, что мусульмане – враги индийского народа, а в учебную программу вводится, например, ведическая астрология. Все это, бесспорно, противоречит принципам индийского секуляризма.

Идея секуляризма в трактовке, сформулированной в Конституции Индии, неприемлема для индусских коммуналистов. На их взгляд, такой секуляризм идет вразрез с интересами большинства, поскольку якобы служит интересам мусульман и христиан, а значит, является ущемлением индийской демократии. Поборники индуизации воспринимают Индию в образе Бхаратматы (Богини Индии). В их трактовке все индусы – дети Бхаратматы; представители иных конфессий, особенно мусульмане и христиане, таковыми не являются и одним своим присутствием оскверняют индийскую землю. В итоге государственный лозунг религиозной политики Индии времен обретения независимости – «единство в многообразии» – сейчас постепенно превращается на практике в повсеместную и тотальную унификацию под эгидой индуизма, утверждают авторы сайта «Сердце Индии». За последние годы у аналитиков сайта сложилось представление, что процесс «шафранизации» про-

ник уже не только в большинство структур индийского социума, но и в политико-идеологическую сферу страны, заглушая последние ростки секуляризма. ИНК также придерживается хиндутвы, хотя и в более мягкой форме, чем БДП. Но ползучий процесс индуизации вряд ли можно остановить. Такая точка зрения вполне обоснована. В последний предвыборный период по всей стране представители БДП и ИНК наперебой провозглашали приверженность ценностям индуизма, объявляя его наилучшей гарантией секуляризма в Индии. И все это происходило на фоне непрекращающихся межобщинных конфликтов.

Подводя некоторый итог, можно констатировать, что концепция секуляризма в современной Индии очень близка к идее хиндутвы. Близкий к европейскому подход к секуляризму, доминировавший в середине XX в., являлся по преимуществу достоянием брахманской интеллектуальной элиты. Ее сторонники принадлежали к тонкому слою интеллигенции, в большинстве своем получившей образование в Европе. Им на смену во власть пришли представители средних каст, на чьи убеждения секуляризм «европейски» не успел оказать сколько-нибудь заметного влияния.

Раздел Индостана в 1947 г. и образование самостоятельного исламского государства Пакистан не привели к решению проблемы религиозных меньшинств. Собрать всех мусульман в единое исламское государство не удалось, несмотря на то, что раздел повлек за собой самую значительную миграцию населения в современной истории Востока. Общее число переселенцев превысило 15 млн. человек. «Расколотые и разделенные, – пишет индийский историк М. Шакир, – мусульмане оказались в кризисном состоянии, не умея ни раскрыть свое истинное “я”, ни найти прочные основы для своего существования как общины». Вследствие внезапности перемен и их радикального характера мусульманская община оказалась экономически, интеллектуально и психологически не готова им противостоять. С одной стороны, мусульмане в одночасье лишились всех привилегий, которые обеспечивала им колониальная администрация (отмена резервации мест на государственную службу, переход от отдельного электората к системе всеобщих выборов). С другой стороны, ряд мероприятий, осуществляемых в этот период правительством, носил явный антимусульманский характер: почти повсеместно был прекращен набор мусульман на государственную службу, особенно в полицию. Был также принят дискриминационный закон о собственности мигрантов (Evacuee property

law), широко использованный затем для лишения мусульман их имущества. Кажется, прикладывались все усилия к тому, чтобы вынудить максимальное число мусульман покинуть Индию. В первую очередь страну покидала элита мусульманской общины – ее наиболее образованная, экономически успешная, социально мобильная часть. Именно элита на протяжении долгих лет борьбы за независимость определяла политическое поведение всей общины. «Соперничество элиты, солидарность элиты и мобилизация ею широких масс населения – вот что до сих пор определяет характер мусульманской политики».

Мусульманская община страдает не только от потери элиты, но и от разобщенности. Последняя вызвана в первую очередь неравномерностью расселения по территории страны: за исключением Кашмирской долины, в Индии нет более или менее крупного по площади и численности населения района, где мусульмане составляли бы компактное большинство. Немаловажную роль играет и религиозно-социальный фактор. Мусульмане делят сами себя на две неравные группы. Примерно 10% – ашрафы («благородные»). Это сайеды, шейхи, моголы и патаны, считающиеся отдаленными потомками Пророка Мухаммеда и его родственников, а также потомки арабов, особенно курейшитов. Остальные – аджлафы («низкие»). Земельная аристократия, бывшие князья, духовенство, чиновники, часть предпринимателей и торговцев, люди свободных профессий обычно причисляют себя к ашрафам. Аджлафы – преимущественно крестьяне, ремесленники, батраки. Многие среди них – бывшие члены низших каст индуизма. После достижения независимости Индии большинство мусульман, вне зависимости от социального положения, столкнулось с общей дилеммой: согласиться с секуляристским подходом А.К. Азада или избрать путь, предлагавшийся мусульманскими фундаменталистами. А.К. Азад и ряд других лидеров призывали членов мусульманской общины присоединиться к общенациональным политическим партиям. Они были убеждены, что политическое и экономическое единство страны в конечном итоге приведет к сплочению различных общин и поможет становлению секуляристского и демократического общества, «обеспечив всем меньшинствам культурную и религиозную свободу». Многие исламские деятели умеренного толка в этот период поддержали идеи секуляризма в его изначальном виде, изложенном в Конституции. Однако не прошло и десяти лет после провозглашения независимости, как в городах практически по всей

стране стали вновь происходить индусско-мусульманские столкновения. В результате упомянутая выше дилемма была решена мусульманами в пользу идейных противников А.К. Азада. Уже в середине 50-х годов в Индии возобновили свою деятельность почти все мусульманские религиозно-общинные организации, существовавшие до раздела: «Мусульманская лига» (МЛ), «Джамаат-и-ислами Хинд» (ДжИХ), «Маджлис-и-Иттихад Уль-Муслимин» (МиИУМ), «Джамаат-у-Шабаб-е-Ислам» (ДжШИ). Они заявляли о своей «умеренности», но исповедовали отнюдь не секуляристские идеи.

Показателен пример партии «Джамаат-и-ислами Хинд». По мнению ее лидеров, демократические принципы и нормы неверны. Ведь демократия исходит из принципа суверенитета народа, а ислам признает суверенным только Аллаха. Неприемлемой для сторонников ДжИХ является и многопартийная система Индии, поскольку исламская политика допускает существование лишь одной партии. Участие же мусульман в укреплении секуляризма оценивается просто как прямое «предательство в отношении Пророка»: политика и ислам неразделимы, поэтому секуляризм расценивается как носящий очевидную антимусульманскую направленность. По мнению создателей сайта «Сердце Индии», ислам в стране выступает в качестве идеологии сопротивления, как реакция на враждебное окружение, на процессы все большей индуизации государства. Интересно отметить, что при этом мусульманские организации зачастую полагают: индусские коммуналисты в большей степени отражают интересы мусульман, чем их секуляристские оппоненты. На сегодняшний день среди мусульман Индии относительно наибольшее число заключенных, безработных, неграмотных, а также лиц, находящихся за чертой бедности. По своему статусу многие мусульмане приближаются к далитам – неприкасаемым, самой нижней социальной страте индийского общества. Существенная часть мусульманской общины совершенно очевидно выступает в арьергарде общего движения к индийскому экономическому чуду. Однако открыто обсуждать эту проблему в стране, которая гордится своей секулярной Конституцией, не принято.

Численность мусульманской общины в Индии сегодня уже перевалила за 150 млн. человек. В немусульманской среде распространено мнение, что индийские мусульмане сами повинны в большинстве проблем, с которыми они сегодня сталкиваются. Данные проблемы в значительной мере порождены отставанием в об-

разовательной сфере, которая является полностью религиозной. В медресе, где получают образование мусульманские юноши, упор делается на штудирование Корана и заучивание хадисов. Такое образование вряд ли способно помочь адаптироваться к современным условиям конкуренции на рынке труда в быстро модернизирующейся стране. Но даже такие учебные заведения посещают не более 3% юношей-мусульман. Положение с образованием среди девушек-мусульманок, по данным индийского экономиста Абусалефа Шарифа, близко к абсолютному минимуму за все годы независимого существования Индии. Угрожающе низким является уровень жизни городского мусульманского населения. До 40% мусульман, живущих в городах, находятся за чертой бедности; для индусов данный показатель почти вдвое ниже (22%). Это в значительной мере связано с полигамией, широко распространенной как раз среди беднейших мусульман. Мужчина вынужден изыскивать средства на содержание четырех жен и множества детей. Но отказаться от традиционно большого числа детей в семье – значит принизить свой статус в общине, потерять уважение единоверцев. Другая важная причина, это, безусловно, сложившаяся у значительной части мусульман привычка к патернализму – надежда на государство в решении жизненно важных вопросов и неготовность взять на себя ответственность за свое будущее и будущее своих детей. Конечно, в такой социальной ситуации зерна фундаментализма попадают в весьма удобренную почву.

В целом даже умеренные мусульманские организации в большинстве своем мало верят в возможность секуляристской интеграции в стране и намерены и дальше поддерживать сепаратное существование двух общин как носителей самостоятельных религиозных культур и обособленных политических интересов. При этом наряду с умеренным крылом в стране существует и фундаменталистско-экстремистский ислам. К нему обычно относят как объединения умеренных сепаратистов – организации «Хурриата» (Всепартийная конференция свободы), «Студенческое исламское движение Индии» (СИДИ), так и экстремистские группировки, например, «Лашкар-е-Тойба» (ЛеТ) и «Джайш-е-Мохаммад» (ДжЕМ), стоящие за кровавыми терактами в Мумбаи и Дели последних двух лет. Обе организации базируются в Пакистане, официально запрещены, но ведут активную подрывную и террористическую деятельность, в первую очередь на территории Индии. Так, согласно пакистанской газете «The News», ЛеТ располагает

шестью военными тренировочными лагерями в Пакистане и Кашмире. Кроме того, у организации есть около 2200 ячеек по всей стране.

Итак, кризис секуляризма очевиден, индуизация государства набирает ход, а политическое и экономическое положение в стране во многом определяется динамикой отношений между религиозными общинами. В этих непростых условиях особое значение приобретает толерантность. Но и эта проблема понимается в Индии весьма своеобразно. Юридическое измерение толерантности невозможно без признания законности притязаний другого на те права и свободы, на которые претендуешь сам. Конституция Индии закрепляет такое понимание. Более того, она предусматривает особые права и привилегии для религиозных меньшинств. Однако эта проблема не исчерпывается одним лишь законодательным аспектом. Ни в санскрите, ни в современных языках Индии нет слова «толерантность». Оно было просто заимствовано из английского языка вкупе с западной концепцией этого понятия. Но если нет слова, то, как оказывается, нет и явления, которое это слово обозначает. Что же думают о западном концепте толерантности и о его реализации на практике проповедники хиндутвы? Прислушаемся к словам М.С. Голвалкара. Он пишет: «Слово “толерантность” слишком мягко и слабо, чтобы выразить древнюю индусскую мудрость... Это всего лишь еще одно слово, созданное для попустительства и вседозволенности, оно несет в себе изрядную долю эго, которое склонно просто допустить иную точку зрения без любви или уважения к ней». Такая позиция чревата межобщинной рознью и кровавыми погромами, уносящими до сих пор ежегодно тысячи жизней как мусульман и христиан, так и самих ревнителю хиндутвы.

*«Мировая экономика и международные отношения»,
М., 2007 г., № 5, с. 87–95.*

Юлия Нетесова,
журналистка

ИСЛАМИСТЫ МЕНЯЮТ МЕТОДЫ БОРЬБЫ

Мустафа бен Абд аль-Кадыр Сетмариам Насер (известный как аль-Сури) родился в Сирии. Проучившись какое-то время на инженера, присоединился к местным «Братьям-мусульманам».